

Су И и сам не знал, когда именно потерял сознание. Когда кто-то стал его трясти, он первым делом решил, что это тётка застала его за бездельничаньем. От испуга дыхание перехватило, грудь сдавило, и он тут же начал кашлять и задыхаться.

Чжун Мин увидел, как тот резко распахнул глаза, но в них не было фокуса, дыхание тяжёлое, губы с легким синеватым оттенком — у него самого в тот миг холодок прошёл по спине.

Он сразу вспомнил, как его младший брат в детстве переболел тяжёлой болезнью — тогда, среди ночи, задохнулся в кашле, не мог перевести дух. Он тогда сам, в темноте, погнал лодку в деревню и буквально вытащил старого доктора из уже закрытой аптеки. Тот сказал: ещё чуть-чуть, и было бы поздно.

— Су-гер? Ты меня слышишь?

Су И сквозь туман сознания уловил мужской голос, увидел, как над ним склоняется высокая фигура, заслоняя утреннее солнце своим силуэтом. Он прищурился, с трудом собрал зрение в точку, наконец узнал человека перед собой — и всё тело вдруг расслабилось.

— Я... слышу. Всё в порядке.

Он провёл ладонью по лицу, с трудом, суетливо попытался подняться, но тут же заметил, что одежда вся отсырела, коса растрепалась и лежит где-то сбоку — даже страшно представить, в каком он виде. И правда, подумал он с горечью, каждый раз, когда он сталкивается с Чжун Мином, выглядит так, будто не знает, куда себя деть.

Чжун Мин с облегчением выдохнул — словно только что и сам с трудом отдышался после этого приступа.

— Ты меня напугал. Подумал, что ты здесь без сознания.

И тут же добавил:

— Не спеши вставать. Так сразу в глазах потемнеет, посиди пока, поговорим.

Су И и впрямь не мог как следует подняться — ноги ещё подкашивались. Он замер на полпути, безуспешно попытался пригладить одежду, натянул на лицо неуверенную улыбку и пробормотал:

— Сегодня рано встал... Пришёл сюда, не знаю как, и, видно, задремал. Опозорился перед тобой.

Чжун Мин между тем всё сильнее хмурился. Су И выглядел болезненно до пугающей степени

— по сравнению с прошлой встречей он и вправду похудел ещё больше, словно от него остались одни кости. Глядя на него, не возникало сомнений: лекарств он не принимал, да и с едой у него, похоже, тоже было туго.

Даже если Лю Ланцао и злилась на него за смерть мужа и срывалась на племяннике, всему должен быть предел. Это было уже за гранью допустимого. Он припомнил, как в своё время вторая тётка говорила: семья Лу эти годы содержала Су И вовсе не за просто так. Чтобы не стать объектом пересудов, семья Су каждый месяц присылала по три шэна грубого риса — мол, на еду для Су И. Если варить жиденькую кашу дважды в день, одному геру и половины бы хватило. А когда Су И отдавали в дом Лу, те ещё и выпросили с семьи некую сумму серебром. Сколько точно — неизвестно, но с той хваткой, что у Лю Ланцао, меньше положенного она бы не взяла. И при всём при этом, Су И ещё и каждый день надрывается — настоящий слуга, живущий в доме, словно купленный батрак.

— Несколько дней назад в горах тебя не видно было. Заболел? — спросил он наконец.

Су И вдруг почувствовал, как подступает к горлу. Он отвернулся, чтобы скрыть это, и, потеряв глаза, ответил с натянутой лёгкостью:

— В ту дождливую ночь продуло... Немного продрог.

Он и правда не привык рассказывать о себе. С самого детства никому до него не было дела — ни когда он голодал, ни когда болел. Потому теперь, услышав заботливый вопрос Чжун Мина, он, помимо невольного трогательного чувства, испытал в теле какую-то неловкую скованность.

— А ты что тут делаешь с утра пораньше? — спросил он, нарочито склоняясь над креветочной сетью, будто бы что-то поправляя, стараясь тем самым перевести разговор на другую тему.

Чжун Мин, услышав это, снова вспомнил о краже и мрачно нахмурился.

— Вышел пораньше в море за лобстерами. Хотел выручить немного серебра — отвезти младшего брата к доктору. Кто знал, что наткнулся на вора...

Су И, как будто с опозданием, с трудом воспринял сказанное — голова оставалась тяжёлой, будто наполненной тягучей кашей. Лишь через какое-то время смысл дошёл до него, и он резко выпрямился.

— Так те лобстеры были твои?!

Он поднялся, но тело не слушалось — качнулся, и Чжун Мин тут же напрягся, шагнул ближе, боясь, как бы тот не упал.

— Какие ещё лобстеры? — спросил он с непониманием.

Су И, захлёбываясь возбуждением, тут же закашлялся. Приступ был сильный, и на щеках у него выступили пятна болезненного румянца. Он сердито хлопнул себя по груди, словно досадуя на своё же немощное тело, что мешает сказать главное. Спустя мгновение, подавив кашель, он торопливо выговорил:

— Это Фэн Бао! Я, когда только пришёл, увидел, как он тащит несколько крупных лобстеров. Ещё тогда подумал, что уж слишком хороши — не его это добыча, явно стащил у кого-то. А теперь выходит — и правда!

Он и сам должен был догадаться раньше: во всём Байшуйао вряд ли найдётся кто-то, способный нырнуть на глубину и голыми руками вытащить таких крупных лобстеров — кроме Чжун Мина, и думать не о ком.

Чжун Мин всё понял — в один миг. Внутри взвилась ярость, будто клуб дыма ударил в макушку. Лицо потемнело, брови сжались в грозную складку:

— Я и думал, что это его рук дело. Так и есть, негодяй.

Теперь, когда стало ясно, что дело за Фэн Бао, он не мог оставить это так — обязательно проучит эту бессовестную тварь. Судя по времени, тот ещё не успел добраться до деревенского рынка — ещё можно его догнать.

Перед тем как уйти, он вдруг обернулся и спросил:

— Смотрю, у тебя с собой креветочная сеть. Но ведь здесь не место для ловли креветок.

Су И не стал объяснять, что оказался здесь просто по рассеянности, сам не заметив, как забрёл. Лишь сказал:

— Хотел было сперва поискать немного устриц.

Чжун Мин чуть нахмурился — выглядело это странно, но переспрашивать не стал.

— Ты и вправду очень плох, — сказал он, всерьёз обеспокоенный. — Не ходи близко к воде. Если совсем плохо — возвращайся пораньше.

Этот гер едва держался на ногах, и ещё бродит тут в одиночестве по безлюдному берегу. Если вдруг оступится, соскользнёт в воду — рядом никого, кто бы мог вытащить.

Су И опустил голову и едва заметно кивнул. Выражение лица у него было такое, что сложно было понять, что он чувствует на самом деле.

— Я понял... спасибо тебе, — тихо сказал он.

Глядя на эту осторожную, зажатую манеру, Чжун Мин почувствовал, как внутри поднимается странная тяжесть. Будто что-то чужое, несправедливое легло камнем на сердце. Он решил, что прежде чем уйти, нужно хотя бы сказать Су И что-то хорошее — вдруг хоть немного скрасит его день.

— Ах да, я ведь сперва звал тебя, чтобы рассказать про котёнка. Я дал ему новое имя — теперь он Додо. С лапкой стало лучше, уже почти зажила, только кость ещё срастается. Если будет время, можешь сам зайти к нам на лодку — навестить его. Я брату сказал, он тебя знает, не остановит.

— А-Мин! Опять на всех парусах, куда несёшься?!

Чжун Чунся как раз на лодке перебирала сушёные продукты. За те дни, что они были на горе, многое отсырело и отсырело крепко — теперь, когда солнце стояло высоко, она спешила всё вынести и просушить, чтобы потом можно было сбуть перекупщикам, и те, направляясь на юг, не начали прицениваться и сбивать цену.

Пока она возилась, из соседней лодки вдруг донёлся глухой звук. Подняв голову, она увидела, как Чжун Мин швырнул на палубу сетку и ведро, даже не поздоровался — и стремглав умчался.

Тот вид, та решимость, с какой он нёсся, были ей до боли знакомы. Всякий раз, когда парень собирался с кем-то разбираться, он выглядел именно так: раскрасневшийся, решительный, ни на что не отвлекается.

— Вот проклятый мальчишка! Опять, небось, в какую-то историю вляпался! — пробормотала Чжун Чунся, не в силах больше усидеть на месте.

Она только радовалась, что Чжун Мин последние дни немного успокоился, стал вести себя ровнее, но теперь тревога снова закралась в сердце. На всякий случай велела старшей дочери, Тан Ин, присмотреть за Чжун Ханем, который всё ещё дремал на лодке, и, не мешкая, поспешила за племянником.

Она и до места не добралась, как уже издали заметила: впереди собралась целая толпа. Народ с интересом переговаривался, одни удивлённо, другие — с нескрываемым злорадством:

— Ай, глядите-ка! Чжун Мин опять кого-то бьёт!

— Так ведь говорили, что он вроде как изменился, — что же опять дерётся?

— Эге, кто ж его знает! Я вон сам даже понять не успел — он только подошёл, да как заехал ногой! Страшно было смотреть! Я ж говорил — такой характер так просто не исправишь!

— А с кем он сцепился-то?

— А ты не видишь, кто это там валяется? Не узнал, что ли? Да это ж Фэн Бао из дома Фэн!

Один из зевак прищурился с довольным видом:

— Подождём, подождём! Вот как старуха Ма придёт, будет на что посмотреть! Вот смеху-то будет!

Чжун Чунся сразу узнала голос говорящего — это был один из супругов из семьи Лай. Между семьями Лай и Чжун давняя вражда, и недавно как раз двое их мальчишек попали под горячую руку Чжун Мина — тогда за грязные слова получили от него взбучку, да так, что и рта открыть не смогли. С тех пор Лай затаили злобу, и теперь не упускали случая подлить масла в огонь.

Этот гер из семьи Лай, когда речь шла о Чжун Мине, всегда был мастером приукрашивать, пересыпая каждое слово ехидством — ни одного доброго слова от него не услышишь. Но Чжун Чунся, дослушав до сути, тут же сделала вывод: раз уж Чжун Мин ударил именно Фэн Бао, значит, её племянник точно в своём праве. Мгновенно перестала на него сердиться, закатала рукава и, не мешкая, ринулась вперёд, прямо к болтуну Лаю, выкрикивая:

— Ах ты, трепло безмозглое! Это ж надо — за вора заступаться! Вот дождёшься, как Фэн потащит чего с твоей лодки — тогда и узнаешь, каково быть в его шкуре!

Гер из семьи Лай увлекся сплетнями и, вовсе не заметил, что к нему подступили. Услыхав вдруг голос Чжун Чунся, он аж подпрыгнул, обернулся, упёрся руками в бока, — и началась перепалка. Оба заспорили громко, на весь берег, не уступая друг другу ни единым словом.

Чжун Мин в самой гуще людей лишь краем уха улавливал этот шум и гам. Но он и так знал, о чём гомонит толпа: мол, опять дерётся, распускает руки, как и прежде, что стал не лучше, только подожрался — либо потешаются, будто два подлеца сцепились, «собака с собакой».

Но всё это не имело для него ни малейшего значения. Сейчас его взгляд был прикован только к одному — к Фэн Бао, этому подонку, привыкшему воровать и скрываться. И Чжун Мин твёрдо знал: этому человеку остро не хватает серьёзного урока. Если не остановить его сейчас, однажды тот перестанет довольствоваться сушёной рыбой да креветками — после сегодняшней кражи на несколько лян серебра в следующий раз он вполне может полезть на лодку и потянуть уже деньги или ценные вещи.

Такому вредителю не место в Байшуйао.

А что до самого Фэн Бао — он только что успел затащить украденных лобстеров на свою лодку и спрятать, прикидывая, сколько можно будет выручить на рынке в деревне. Медленно крутил в голове, как лучше сбыть, как выгоднее обменять на медяшки... Но не успел он закончить счёты, как вдруг его кто-то схватил за шиворот и волоком вытащил на дощатые мостки.

Чжун Мин, не проронив ни слова, с размаху врезал ему под рёбра — так, что Фэн Бао пролетел на целый чжан и тяжело грохнулся об настил, будто все внутренности в нём перевернулись. Он ударился лицом, зубами рассёк губу, и, подняв голову, почувствовал, как рот мгновенно наполнился кровью.

— Чжун Мин! Я тебя не трогал, ты чего на меня кидаешься?! — заорал он, сплюнув багровый сгусток, будто прав был до последней точки. Громкость в голосе сразу прибавилась, словно это он теперь обиженный и пострадавший.

Но Чжун Мин не ответил — просто медленно, шаг за шагом, приблизился. В руках у него не было ни ножа, ни палки, ни даже верёвки — ничего, что могло бы пугать. Но сам он шёл с такой нестигаемой решимостью, что от одного этого движения мороз пробежал по коже.

Фэн Бао рос немаленьким, а всё равно рядом с Чжун Мином казался жалким, точно вылупившийся птенец. Стоило Чжун Мину шагнуть — тот, сидя на земле, отползал назад, инстинктивно, как зверёк, загнанный в угол. И про уверенность в голосе уже не вспоминал: глотал слюну, пытаюсь нащупать хоть кроху храбрости.

Он и раньше знал, что Чжун Мин драться умеет: высокий, сильный, с той особой лихостью, когда бьётся до последнего, как будто собственной жизни не жалеет. С четырьмя-пятью сразу мог справиться. Но сейчас Чжун Мин выглядел ещё страшнее, чем прежде. Его глаза — чёрные как ночь и белые как лед — смотрели прямо вглубь. Было в них что-то закалённое, как лезвие, выточенное в холодном металле. И в тот миг Фэн Бао вдруг поверил: если бы у него в руках был нож, он бы не дрогнул. И убить — тоже бы не побоялся.

— Ты что, убить меня хочешь?! — завопил Фэн Бао, перекатываясь на полу и хватаясь за бока.

Он уж давно промышлял такими делами и, понятное дело, не впервые попадался. Опыт в том, как быть «мертвой свиньей, что не боится кипятка», у него был что надо. Знал, как выкручиваться, как прикидываться несчастным и забитым. А главное — понимал: если нет свидетелей, если никто не видел — даже самый грозный не посмеет всерьёз тронуть его перед толпой.

Но Чжун Мин только холодно усмехнулся. И вправду, тот, кто способен воровать без зазрения совести, и лицом способен стать потолще подошвы у старого рыбака.

— Убить тебя? Да я тебя тронуть брезгую, руки марать неохота.

Он неспешно вскинул ногу и ещё раз, уже не со всей силы, пнул Фэн Бао под зад — скорее с

презрением, чем с яростью.

Чжун Мин — человек, прошедший поле боя. В прошлой жизни он не раз сражался на фронте, и кровь видел настоящую, не книжную. Варваров он рубил десятками, не считая. А такой, как Фэн Бао, — даже не соперник, не цель, просто жалкий мусор. И если бы захотел наказать — управился бы в два счёта.

Он наклонился, глядя прямо в лицо, и проговорил медленно, отчётливо, громко — так, чтобы слышали все собравшиеся вокруг:

— Фэн Бао, не думай, что твои фокусы с придурковатым видом на меня подействуют. Ты сам прекрасно знаешь, что стащил. У меня пропала сетка с лобстерами — не меньше чем на два ляна серебра.

Как только эти слова сорвались с уст Чжун Мина, толпа вокруг мгновенно взорвалась гулом.

— Два ляна серебра, боже ты мой! Да у Фэн Бао, гляди-ка, и правда кишка не тонка... Такая сумма — обычной семье на два месяца еды и нужд хватит!

— Если бы кто другой пожаловался, я бы и не поверил... А вот Чжун Мин — он точно мог наловить столько лобстеров, у него руки на это есть.

— В этот раз Фэну не выкрутиться. С Чжун Мином такие фокусы не проходят — даже староста ему не указ!

— А куда девалась старая Ма? Чего её нет, не защищает своего драгоценного внука?

А в центре круга Чжун Мин стоял без тени колебания, с нажимом прижав подошвой Фэн Бао к настилу. Тот корчился, как схваченный рак-богомол: метался, пыхтел, но вырваться не мог. Лицо налилось краской, шея вспухла от натуги.

— Я не знаю, о чём ты вообще говоришь! — взвизгнул он наконец, хватаясь за последнюю отговорку. — Я сегодня с лодки ни шагу, ты просто схватил меня и избил, а теперь наговариваешь, будто я тебя обокрал! Это что за справедливость?!

Он решил гнуть до конца свою линию — ни за что не признаваться. И только он затянул было в полный голос, как вдруг с другой стороны вынырнула фигура, растолкала толпу, подскочила и с силой толкнула Чжун Мина в грудь. А затем, набросившись на поверженного Фэн Бао, залилась надрывным, визгливым воем:

— Да что ж это делается! В этом Байшуйао уже совсем совесть потеряли! Бьют нас, сирых и убогих, топчут нашу честь! Я — старуха, жить мне недолго! Мне всё равно! Ну бей меня, бей! Хоть насмерть бей! Только не тронь моего внука!

<http://bllate.org/book/13583/1204993>